

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-1-3-25

Н.Н. Наумов

**ОТНОШЕНИЕ К ГРЕХОВНОСТИ
В ГУСИТСКОЙ И АНТИГУСИТСКОЙ
ИДЕОЛОГИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XV в.**

N.N. Naumov

**THE ATTITUDE TOWARDS SINFULNESS
IN THE HUSSITE AND ANTI-HUSSITE IDEOLOGY
IN THE FIRST THIRD OF THE 15th CENTURY**

Аннотация. Целью статьи является верификация дихотомии «гусит» vs «католик» на примере восприятия греховности гуситами (чешскими уtrakвистами) и их военно-политическими противниками — традиционными католиками. Предмет исследования — особенное восприятие греха как отличительная черта гуситской идеологии в сравнении с антигуситской. В качестве источников были использованы: богословско-полемические сочинения гуситов (Яна Желивского, Микулаша из Пелгржимова, Петра Хельчицкого) и их идейного предшественника Яна Гуса, а также гуситская программа Четырех Пражских статей в ее вариантах, которых придерживались радикалы-табориты и более умеренные пражские гуситы; богословская критика со стороны традиционных католиков (Фердинанд Луккский, Жиль Шарли); иные источники, которые воссоздают нормы и представления, бытовавшие у традиционных католиков в XV в., в первую очередь венгров. В итоге были сформулированы две черты восприятия греховности в гуситской идеологии: грех — это социальное преступление; все люди равны перед грехом, а потому грех правителя — основание для неповиновения ему, в том числе вооруженного. Было установлено, что в рассматриваемом аспекте дихотомия «гусит» vs «католик» прослеживается лишь частично. Так, католик Жиль Шарли рассматривает в качестве социального преступления лишь тот грех, который напрямую вредит го-

Наумов Николай Николаевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Naumov Nikolay Nikolayevich, PhD Candidate in History, Research Fellow, Department of Southern and Western Slavic History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

nn-naumov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6587-1681

сударству и обществу (кража, убийство и т.п.), не считая «простой блуд» таким преступлением. Блуд у католических противников гуситов — венгров XV в. — продолжал считаться пресекаемым социальным преступлением в соответствии с законами Иштвана Святого (997–1038). Жиль Шарли требует терпимости по отношению к грехам монархов и влиятельных людей во избежание тяжелых смут. В Венгерском королевстве XV в. сохранялось законное право сословий на сопротивление монарху в случае, если он нарушает Золотую буллу 1222 г. Вывод о сходствах между воззрениями гуситов и их противников делается впервые в историографии, при том что еще Р. Новотный указал на схожесть сословного устройства Венгерского и Чешского королевств.

Ключевые слова: Гуситские войны, богемские утраквисты, традиционные католики, Четыре Пражские статьи, законы Иштвана Святого, понятие греха.

Abstract. The aim of this article is to examine the dichotomy between “Hussite” and “Catholic” through the lens of how sinfulness was perceived by the Hussites (Czech Utraquists) and their military and political Catholic opponents. The study focuses on the unique perception of sinfulness as a distinctive feature of Hussite ideology compared to anti-Hussite views. The sources used include theological and polemical writings of Hussites such as Jan Želivský, Mikuláš of Pelhřimov, and Petr Helčický, as well as their ideological predecessor Jan Hus. Additionally, the study examines the Hussite program known as the “Four Articles of Prague” in its various forms, which were supported by both the radical Taborites and the more moderate Prague Hussites. Traditional Catholic theological criticism, notably from figures like Ferdinand of Lucca and Gilles Charlier, and other sources reconstructing fifteenth-century Catholic norms and perceptions, particularly in Hungary, are also considered. The analysis identifies two key features of the perception of sinfulness in Hussite ideology: sin as a social offense, and the belief that all people are equal in front of sin, implying that a ruler’s sin justifies disobedience, including armed resistance. The author concludes that the dichotomy between “Hussite” and “Catholic” is only partially evident in this context. Gilles Charlier, a Catholic theologian, considered only those sins that directly harmed the state and society (e.g., theft, murder) as social crimes, while he did not classify “simple fornication” as such a crime. In contrast, fornication among the Catholic opponents of the Hussites, particularly in fifteenth-century Hungary, continued to be regarded as a suppressible social offense under the laws established by Saint Stephen (997–1038). Charlier advocated for tolerance towards the sins of monarchs and influential individuals to avoid severe unrest. The Hungarian kingdom in the fifteenth century retained the legal right for the estates to resist the monarch if he violated the Golden Bull of 1222. This conclusion, highlighting the similarities between the views of the Hussites and their opponents, is unprecedented in historiography. While R. Novotný noted the similarity between the estates of the Hungarian and Czech kingdoms, the recognition of these ideological parallels is a new contribution.

Keywords: Hussite Wars, Bohemian Utraquists, traditional Catholics, the Four Articles of Prague, Saint Stephen’s Laws, concept of sin.

Данное исследование предпринято в рамках решения более масштабной задачи комплексного сопоставления политических идеологий гуситов и их противников — традиционных католиков. Ее актуальность обусловлена крайней устойчивостью бескомпромиссной дихотомии «гусит» vs. «католик», которая была сгенерирована историографией: та справедливо подчеркивала социально-политическую значимость конфессионального раскола XVI–XVII вв., но невольно проецировала его и на предшествующую эпоху Гуситских войн, для которой понятие «раздвоенной нации» представляется не вполне релевантным. Ф. Палацкий соглашался со своим оппонентом К.Ф. Хёфлером в том, что «католицизм и чехизм как таковой являются противоположностями», в то время как носителями «чехославянской идеи» для Палацкого были как раз гуситы: тем самым исключалось, что между обоими лагерями — гуситским и католическим, реформационным и реакционным — может быть хоть что-то общее¹. Вслед за творческими импульсами Р. Каливоды и Ф. Зайбта автор данной статьи исходит из того, что гуситская революция и ее идеология носили синтетический характер, возникнув не вне и не вопреки, но в рамках латинской культурной традиции².

В статье сопоставляется отношение гуситов и традиционных католиков к феномену человеческой греховности, что предполагает обращение к ее теоретико-концептуальному пониманию в рамках гуситской и антигуситской идеологии, а также к соответствующим программно-политическим решениям, предлагавшимся сторонами конфликта. В последние десятилетия «культурный поворот» (англ. *cultural turn*) затронул и чешскую гуситологию, однако появилось лишь одно религиозно-этическое исследование схожей тематики — «Сохранить людей от грехов. Этика в теологии магистра Яна Гуса» Д. Опатрного (2018). Не имея возможности ознакомиться с этой книгой в оригинале, процитирую по рецензии Б. Зильнской вывод ее автора, который считаю особенно важным: «Исходная точка изложения — это вопрос, почему должно добиваться блага и что благо такое. Ответ Гуса следует традиции Учителей Церкви, а особенно — Петра Ломбарда. Основным понятием для него является Закон (естественный, Христов и человеческий). Христов Закон, являющий-

¹ *Palacký Fr.* Die Geschichte des Hussitentums und Prof. Constantin Höfler. Kritische Studien. Prag, 1868. S. 161–162.

² *Seibt F.* Hussitenzeit als Kulturepoche // *Historische Zeitschrift*. Jg. 195. 1962. S. 28. О влиянии вальденской ереси на генезис «сельско-плебейского гуситизма» см.: *Kalivoda R.* Husitská ideologie. Praha, 1961. S. 263–264, 296; *Idem.* Husitské myšlení. Praha, 1997. S. 143–145, 163.

ся Правдой, доступен в Писании и представляет для Гуса высший нравственный императив. Он содержит ряд заповедей, т.е. приказов, запретов и установлений, которые христианин должен соблюдать, чтобы поступать хорошо, т.е. нравственно, чтобы воплотить человеческое достоинство, которое подобает **человеку как Божьему образу** (здесь и далее выделено мной. — Н.Н.)»³. С выделенной мыслью я готов аргументированно согласиться. Ее иллюстрируют следующие слова Гуса из его проповеди на 18-е воскресенье после Троицы: «И теперь ты понимаешь, как пребывают в душе разум, воля и память, эти три вещи, через которые человек является образом Святой Троицы; и если он любит Бога мудро, добровольно и памятно, как велит Христос, тогда является образом, похожим на Бога, Который — Святая Троица. Но если не любит так, тогда он — образ Божий, но не похожий на Святую Троицу, как если бы был какой-либо портрет короля, но пока не похожий на него — до той поры, пока не будет приведен в порядок, чтобы лицом был, как король»⁴. Тем самым получается, что из двух полярностей индивидуального христианского самовосприятия (христианин-праведник vs христианин-грешник) Гус акцентирует первую: грех — это лишь нехватка любви к Богу в индивидуе (а не какое-то злое начало, онтологически самостоятельное). Грех — это вещь *противоестественная*, а грешник является не более, чем ошибившимся человеком, ждущим своего исправления, неправильным изображением Господа, по Чьему подобию замыслен каждый из смертных.

Грех как социальное преступление. Даже сталкиваясь с грехом каждодневно в качестве священника, Гус не мог признать грех чем-то нормальным, допустимым. В его понимании от грехов христианам следует бежать, прогонять их добрыми мыслями и бояться, «чтобы в пропасть вечную не упасть, но быть вытянутыми из пропасти грехов и горла дьявола»⁵. Подобный императив всеобщей обязательной

³ Zilýnská B. Recenze na: Opatrný D. Zachránit lidi od hříchů. Etika v teologii mistra Jana Husa. Jihlava, 2018 // Acta universitatis Carolinae. Historia universitatis Carolinae Pragensis. T. LIX. Fasc. 1. 2019. S. 194.

⁴ «Aj teď máš, kterak rozum, vůle a paměť, ty tři věci, jsú v duši, jimíž člověk jest obraz Trojice svatě; a když tak miluje boha múdrě, vólně a pametlivě, jakož Kristus velí, tehdy jest obraz podobný k bohu, jenž jest Trojice svatá. Ale když nemiluje tak, tehdy jest obraz boží, ale nepodobný k Trojici svatě: jako některý obraz bude králův, ale ještě nepodobný k němu, dokud nebude způsoben, aby v tváři byl jako on». — Místra Jana Husi sebrané spisy české / Vyd. K.J. Erben. D. 2. Praha, 1866. S. 371.

⁵ Цитата из трактата Яна Гуса под названием «Трехисточничий шнурок из веры, любви, надежды, за который должен держаться каждый христианин, который хочет прийти к вечной славе»: «aby do propasti věčné neupadli, ale aby z hřichuov a z hrdla ďáblova vytaženi byli». — Místra Jana Husi sebrané spisy české / Vyd. K.J. Erben. D. 3. Praha, 1868. S. 152. Ср. следующие слова из его изложения «Семи смертных грехов»:

праведности, равно как и представления о противоестественности и недопустимости греха являются составными элементами в рамках основной гуситской программы — Пражских статей 1420 г. Первоначальная формулировка Четвертой статьи, предложенная магистрами Пражского университета во главе с Якоубеком из Стржибра, гласит: «В-четвертых, чтобы все смертные грехи, особенно явные, и прочие непорядки, противные Божьему закону, разумным образом пресекались и искоренялись **в каждом сословии** теми, кто имеет для этого должность, чтобы дурная и неправдивая молва была смыта, **и чтобы отсюда получилось общее благо для Чешского королевства и народа**». Далее перечислялись «злодейства и грехи, которых **каждый верный христианин обязан ненавидеть как их отца дьявола**, противостоять им, обличать и уничтожать их — каждый в соответствии со своим призванием»⁶. Выделенные слова подчеркивают социальный характер греха: с одной стороны, грех — это проступок не только перед Богом, но и перед обществом, которое исповедует Его Закон; с другой — забота о недопущении и пресечении грехов осуществляется государством и обществом через должностных лиц.

Еще до того, как в 1420 г. в Праге был провозглашен текст Четырех статей, тамошний проповедник-гусит Ян Желивский заявил своим прихожанам: «Удивительно, что Господь предписал милосердие, а Сам позволил Своим быть среди злых. Но это Он делает для их же блага, поскольку так Он исправляет Своих по грехам тех злых. Поэтому такая милость полезнее: исправлять по грехам. “Исправь брата твоего между тобою и им одним” (Мф. 18: 15). “Если согрешил против тебя брат твой, упрекни его. И если покается, прости

«Поскольку есть некоторые грехи, от которых **следует бежать**: но от этого греха (тоски во время молитвы. — *Н.Н.*) не должно никогда бежать; потому что как только человек побежал бы от молитвы, тотчас был бы побежден дьяволом». Оригинал: «Neb někteří jsú hříchové, před kterýmižto **sluší běžeti**; ale proti tomuto nesluší nikdy běžeti: neb jakž by pro tesknost poběhl z modlitby, i hned by byl od ďábla přemožen». — Ibid. S. 184. Под бегством от греха Гус понимает устранение самой мысли о нем, как например в случае с похотью, клеймя в таком качестве не только половой акт, но и прижимание к кому-либо, поцелуи, ласки: «И поскольку этого греха никто не может преодолеть, то сколько бы раз это ни пришлось на мысль, **ты тотчас должен отогнать от себя этот грех доброй мыслью**, чтобы в нем не возлюбил себя — и будешь поступать хорошо». Оригинал: «A protož toho hřichu nemuož nižádný přemoci, jedné kolikrát kolivěk na mysl vpadne, **ihned jiným dobrým myšlením máš jej od sebe zahrnati**, tak aby se v něm neochal, a budeš dobře činiti». — Ibid. S. 190.

⁶ «Čtvrté, aby všichni hřiechowé smrtedlní a zvláště zjewní a jiní neřadowé zákonu božiemu odporní řádem a rozumně od těch, jenž úřad k tomu mají, w každém stawu byli stawowáni a kažení, a zlá a křiwá powěst aby wycišćena byla, a tak aby se obecne dobré dálo králowstwí a jazyku Českému... a wšecky takowé jiné zlosti a hřiechy, kterážto každý wěrný křestan powinen jest jako ďábla otce jich nenáwiděti a jim se protiwiiti a je tupiti a kaziti, každý podle powoláně swého». — Archiv český, čili staré pisemné památky české a morawské / Wydal F. Palacký. D. 3. Praha, 1844. S. 215–216.

ему” (Лк. 17: 3). “Уличай, моли, упрекай во всяческом терпении и поучении” (2-е Тим. 4:2)»⁷. Даже на первый взгляд однозначные слова Христа «Не судите и не судимы будете» Желивский склонен толковать не как запрет, но напротив — призыв к поучению и исправлению ближнего: «Таким был суд Господень и его преемников — **исправлять явственные пороки и грехи**. Этого Констанцкий собор не сделал, но сделал Ян Гус, прибывший в Констанц. О, сколь страшному дерзновению предались они и о Господе Иисусе, который сказал: “Я не сужу никого, а если сужу Я, то суд Мой истинен, ибо Я не Один” (Ин. 8:15-16). И еще: “И суд Мой справедлив, ибо я не ищу Моей воли, но воли Того, Кто послал меня” (Ин. 5:30), т.е. Отца. “Кто хочет судить, тот обретет мщение от Господа и, послужив, послужит грехам того человека” (Сир. 28:1)»⁸. Выделенные слова — смысл Четвертой Пражской статьи, высказанный предельно емко. Тем самым, в «исправлении» своего ближнего пражский проповедник-радикал Ян Желивский явно видит подражание Христу.

Особый вопрос — разница между пражской (умеренной) формулировкой Четвертой статьи и теми толкованиями, которые предлагали радикалы-табориты. Ф. Хайманн утверждает, что процитированная выше статья возникла по инициативе таборитов, при том что оговорка (грехи искореняются «теми, кто имеет для этого должность») была добавлена магистрами Пражского университета⁹. «В Таборском братстве поначалу никакие нормы не имели силы, и каждый должен был карать смертельные грехи “так сильно, как может”», — заключает Ф. Шмагель¹⁰. Он процитировал текст грамоты о перемирии, которое заключили гетманы Табора (Ян Жижка из Троцнова, Збынек из Бухова, Хвал Ржепицкий из Маховиц) и Писецкая община с паном Олдржихом из Рожмберка, который по-

⁷ «Mirabile est, quod Dominus precipit misericordiam et solus permittit suos in medio malorum. Sed hoc facit propter melius eorum, quia coriguit sic suos propter peccata eorum. Quia ista misericordia est utilis: corrigere propter excessus. Mat. 18, <15>: “Corrige fratrem tuum inter teipsum solum”. Luce 17, <3>: “Si peccaverit in te frater tuus, increpa illum. Et si penitentiam erexit, dimitte illi”. <2> Thimo. 4o, <2b>: “Argue, obsecra, increpa in omni patientia et doctrina”. — *Želivský J.* Dochovaná kázání z roku 1419 / Vyd. A. Molnár. Praha, 1953. S. 238.

⁸ «Hoc fuit iudicium Domini et suorum successorum, corrigere vicia et peccata certa. Hoc concilium Constanciense non fecit, sed sanctus Ioh(annes) Huss fecit, veniens Constanciam. O, quam in magnam presumptionem se dederunt et ultra Dominum Iesum, qui dixit Ioh. 8 <15–16>: “Ego non iudico quemquam, et si iudico ego, iudicium meum verum est, quia solus non sum”. Et infra <5, 30>: “Et iudicium meum iustum est, quia non quero voluntatem meam, sed voluntatem eius, qui misit me”, Patris. Eccli 28, <1>: “Qui iudicari vult, a Domino inveniet vindictam, et peccata illius servans servabit”». — Ibid. S. 240.

⁹ *Heymann F.* John Žižka and the Hussite Revolution. New York, 1969. S. 154–156.

¹⁰ *Šmahel F.* Husitská revoluce. D. 2. Praha, 1993. S. 112.

обещал соблюдать в том числе следующее условие: «в-четвертых, чтобы смертные грехи во всех имениях своих пресекал так сильно, как может»¹¹. Тем самым мы видим: в качестве «искоренителя» выступает только сам пан из Рожмберка, т.е. носитель власти (а не крестьяне, которые ему подчинены). Важнейшим для понимания логики таборитов я считаю открытие, сделанное Й. Пекаржем: табориты вовсе не были «демократами» и «борцами с феодализмом», но признавали чисто сословное деление на королевские и панские города, господствуя над последними¹². Поэтому разумно предположить: право на искоренение грехов табориты признавали за теми, кто в тогдашнем обществе был признан в качестве носителя власти, т.е. сословий в политико-правовом смысле этого слова: в том числе — *за собой как политической общиной* и за своим неприятелем, чешским паном из Рожмберка. Наиболее ясно это выражено в «Воинском уставе» Яна Жижки из Троцнова, одного из гетманов Табора: «В-четвертых, чтобы мы пресли, уничтожили и искоренили грехи смертные и вообще все сначала в самих себе, а потом в королях, в князьях, в панах, в горожаных, в ремесленниках, в работающих людях, во всех людях мужского и женского пола и возраста, не исключая никого, ни старых, ни молодых, и во всякое время с помощью всемогущего Господа Бога»¹³. В свою очередь, старочешский термин *úřad* был гораздо многозначнее, чем то слово (англ. *office*), которым его передает Ф. Хайманн: не только «должность», но также «задача», «призвание»¹⁴. Обратимся к средневерхненемецкой версии Четырех статей, составленной в Праге для маркграфов Мейсенских: там говорится, что грехи должны искореняться «должностными лицами, которые обязаны к этому по закону Иисуса Христа»¹⁵. Здесь подразумевается не конкретная должность «искоренителя грехов»,

¹¹ «čtvrté, hříechy smrtedlné na všem zboží stawowal což móż nejdál». — Archiv český... D. 3. S. 280.

¹² Речь идет о Прахатицах и Гораждёвицах (захвачены у пробста Вышеградского и пана из Градце), которые в грамоте от 11 июня 1422 г. названы «общинами, которые добровольно подчиняются нам, ко мне (т.е. Жижке. — Н.Н.), Хвалу и Буховцу и нам себя вверили» — в противоположность королевским городам Домажлицы, Клатовы, Сушицы и Писек — «братьям Таборским». — *Pekář J. Žižka a jeho doba*. D. 3. Praha, 1930. S. 160–161.

¹³ «Čtvrté, abychme sami na sobě napřed i v sobě hříechy smrtedlné i všední stawovali, rušili a kazili; potom na králích, na knížatech i na páních, na měšťanech, na řemeslnících, na robotězích i na všech lidech mužského i ženského pohlaví a pokolení, žádných osob nevymínějice, starých ani mladých, a vždy s pomocí Pána Boha všemohúciho». — *Toman H. Žižkův duch, povaha a listy / Upravil F.M. Bartoš*. Praha, 1924. S. 75.

¹⁴ *Malý staročeský slovník / Vyd. J. Bělič, A. Kamiš, K. Kučera*. Praha, 1979. S. 543.

¹⁵ «von den amptleuten, die dar zuo verbunden sein aus dem gesetz Jhesu Christi». — *Bartoš F.M. Manifesty města Prahy z doby husitské*. Praha, 1932. S. 277.

но в новозаветном смысле (Римл. 13:4) — все власти предержавшие, к которым принадлежит как духовенство, так и знатные люди (каждый в пределах своей власти и собственности). Тем самым, разница между пражской формулировкой 1420 г. и таборитскими вариантами на самом деле не была столь существенна.

Отрицался ли социальный характер греха противниками гуситов — традиционными католиками? В этом вопросе существовали разные позиции. В июле 1420 г. епископ Луккский Фердинанд целиком согласился с Четвертой Пражской статьей, отметив: «В-четвертых, похвально, что вы настаиваете на очищении и пресечении всех смертных грехов, ведь каждый обязан заботиться об этом как в себе, так и в ближнем. Вы же обязаны очистить позор на народе и королевстве Богемии — но тем образом, чтобы те, кто заражён ошибками или защищает ереси, отказались от них и воссоединились с Церковью; дабы противоборствуя своему королю и природному господину не учинить преступление и позор оскорблённого величия в придачу к позору ереси»¹⁶. Очевидно, что для Фердинанда гуситская ересь, сопровождающаяся неповиновением Сигизмунду Люксембургскому, — это не только грех, но и политическое преступление, общественно недопустимое. С похожей позицией выступает второй католический критик Четвертой статьи — магистр теологии Парижского университета Жиль Шарли, который на Базельском соборе оппонировал епископу таборитов Микулашу из Пелгржимова, защищавшему Четвёртую статью. Если второй причислил ко смертным грехам даже игры в кости и танцы, то первый возражает, заявляя: «Простой же блуд, или простой разврат, если быть точным, — может быть и является смертным грехом и оскорблением Божественного Величия, однако закон его терпит. Поскольку из-за него общество не потрясается, а множеству толп, преданному играм, сластям и удовольствиям, нелегко воздерживаться. Ведь сказал Иероним в письме к Океану: бурлящий живот легко успокаивается в удовольствиях... И Августин о том же грехе говорит, в книге «О Порядке», которую перелагает Фома: “Удали проститутку от человеческих дел, и ты приведёшь всё в беспорядок от возжеланий”. О терпимости иудеев написано в 58-м псалме: “Господь внушил

¹⁶ «*Quantum laudabile est, cum pro expurgatione et desistentia insistitis omnium publicorum peccatorum mortalium; nam quilibet et in se et in proximo hoc curare tenetur. Tenemini quoque ad expurgationem infamiae linguae et regni Bohemiae: sed hoc modo, ut illi, qui si sint infecti erroribus aut haereses defendunt, desistant ab eis, et reconcilientur ecclesiae non autem ut opponendo se aut eciam rebellando regi et domino suo naturali ultra infamiam haeresis, crimen et infamiam laesae majestatis incurrant*». — *Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges vom Jahre 1419 an / Hrsg. von F. Palacký. Bd. 1. Prag, 1873. S. 35.*

мне о врагах моих: не убивай их”. Хоть они и злы»¹⁷. Однако Шарли отдельно отмечает те грехи, которые для него являются социально недопустимыми (т.е. преступлением): «кражи, убийства, измены и проч., что потрясает общество и от чего большинство легко может воздержаться, запрещает закон гражданский и человеческий»¹⁸. Следуя его логике, очевидно: к общественно нетерпимым грехам подобного рода Шарли вслед за Фердинандом Луккским отнес бы и ересь.

Думается, дело не только в формальной критерии, вредит ли тот или иной грех политическому строю. Неслучайно, что в своем риторическом выступлении Шарли предпринял следующее умозаключение:

1) рассуждение богемских ораторов против грехов подобно огню, а огонь при контакте с чужой материей опалает и трещит: так и «ревнование против грехов буйно и беспокойно» (явный намек на обусловленность гуситских волнений и войн страстной неприимиримостью гуситов по отношению к человеческой греховности. — *Н.Н.*)¹⁹;

2) «так как огонь в собственной материи — уже не огонь-пламя, но огонь-свет, который не опалает, но светит, не колеблем, но спокоен, то ревнование — после того, как грехи сожжены — светящим является, поскольку пребывает в умеренности, не обжигает, не труждается, но возрастает в жаре, о чем пророк в 38-м псалме поет: “В мыслях моих разгорелся огонь” (38-й псалом Давида — покаянный, начинающийся со слов: «я сказал: буду охранять пути мои, дабы не провиниться в языке моем». — *Н.Н.*)»²⁰;

3) комментарий на Лк. 12:49: «Огонь пришел Я принести на землю, и чего бы Я желал, кроме как, чтобы он запылал?»²¹. Огонь послан на землю, поскольку по Писанию Бог — Огонь Пожирающий,

¹⁷ «Simplicem autem fornicationem, aut simplex meretricium, si fiat vis in verbo, licet sit peccatum mortale, et divinae majestatis offensivum tolerat. Nam per ipsum non turbatur politia; nec plebium multitudinem lusibus, deliciis et voluptatibus deditam facile est abstinere. Dicit enim Hieronymus in epistola ad Oceanum: Venter mero aestuans cito despumat in libidines... Item Augustinus de hoc peccato loquens, lib. de ordine, ut Thomas refert, ait: Aufer meretrices de rebus humanis, turbaveris omnia in libidinibus. Item de tolerantia Judaeorum scriptum est Psalm. LVIII. Dominus ostendit mihi super inimicos meos, ne occidas eos. Et tamen sunt mali». — Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio / Ed. J.D. Mansi. T. 29. Venetiis, 1788. P. 875–876.

¹⁸ «Unde furta, homicidia, adulteria etc. quae conturbant politiam et a quibus multitudo faciliter abstinere potest, humana et civilis lex prohibet». — Ibid.

¹⁹ «in peccata zelus... turpidus est et inquietus». — Ibid. P. 869.

²⁰ «Et sicut ignis in propria materia jam non ignis, carbo aut ignis flamma, sed ignis lux est non urens, sed lucens, non agitata, sed quieta: ita cum zelus exustus peccatis in meditatione permanet, lucidus est, non urit, non laborat, sed tamen in ardore crescit, de quo Propheta in Psalmo 38. In meditatione mea exardescet ignis». — Ibid. P. 869–870.

²¹ «Ignem veni mittere in terram et quid volo nisi ut ardeat?». — Ibid.

Ревнитель, Который являлся в пылающем терновнике, в столпе огненном. «Свет Израиля будет в огне, и Святой его — в пламени», — цитирует Шарли слова пророка (Ис. 10:17), опуская их общеизвестное продолжение: «...и подожгутся, и пожраны будут шипы и терны его (т.е. грехи. — *Н.Н.*) в один день»²².

И тут Шарли формулирует от своего имени молитву, в которой ясно выражает то важнейшее, на что в предшествующих рассуждениях лишь косвенно намекал: «Молю, Господи! Да воссияет огонь сей в сердце моем, дабы открылись очи мои и я созерцал чудеса Закона Твоего, да пылает он **для пожрания грехов**, чтобы я произнес глаголы огненные, и да будет речь моя, словно лучина горящая, чтобы тот горшок сердца, подожженный досточтимым аргументатором (т.е. Микулашем из Пелгржимова. — *Н.Н.*) сверх той меры, в какой должно, я не привёл ни к буйству, ни к угасанию, но да умерит жар сердец окропление водой умеренности»²³. Тем самым Шарли подчеркивает: Бог испепеляет грехи! Поэтому грех оказывается не столь страшным, даже до определенной степени допустимым злом — социально приемлемым явлением. В гуситской теологии дело обстоит принципиально иначе. В той речи, которая предшествовала ответу Шарли, Микулаш из Пелгржимова воспроизвел те места из Священного Писания, которые манифестируют погибельность (утрату бессмертия души), причиняемую грехом:

1) «Грех, если совершен, рождает смерть» (Ик. 1:15), поскольку лишает душу жизни милости, о которой — Иезекииль: “Живу Я!, — говорит Господь — не желаю смерти грешника”» (Иез. 18:3, 32)²⁴;

2) «Есть грех к смерти. Не для того говорю, чтобы кто-либо молился (за того, кто подобный грех совершает. — *Н.Н.*)» (1-е Ин. 5:16)²⁵;

3) «Ведь нам прегрешающим добровольно после того, как мы приняли известие Истины, уже не остается жертва за грехи...» (Евр. 10:26; страшное продолжение этих апостольских слов Микулаш решил опустить, но без сомнения всем оно было известно — «... но

²² «Erit lumen Israel in igne, et sanctus in flamma ignis». — Ibid.

²³ «luceat ignis iste obsecro domine in corde meo, ut revelentur oculi mei, et considerem mirabilia de lege tua, ardeat ad consumptionem peccatorum, ut verba ignea proferam et sit sermo meus ut facula ardens, ut illo ollam cordis per venerabilem proponentem supra modum, quantum in se fuit, succensam, nec furere faciam, nec exstinguam, sed aspersio aquae moderationis fervorem cordium in correctione temperet». — Ibid.

²⁴ «“Peccatum, cum consumatum est, generat mortem”, quia privat animam vita gratie, de qua Ezech XVIII 3,32: “Vivo ego, dicit dominus, nolo mortem peccatoris”». — Orationes, quibus Nicolaus de Pelhřimov, Taboritarum episcopus et Ulricus de Znojmo, orphanorum sacerdos, articulos de peccatis puniendis et de libertate verbi Dei in concilio Basiliensi anno 1433 ineunte defenderunt / Ed. F.M. Bartoš. Tábör, 1935. P. 3.

²⁵ «“Est peccatum ad mortem. Non pro illo dico, quod roget quis”». — Ibid.

некое ужасающее ожидание суда и ярость огня, которая готова пожрать противников»)²⁶;

4) «Невозможно тех, кто единожды был просвещен и даже вкусил небесный дар, и сделался причастником Духа Святого, вкушал благое Слово Божие и добродетели будущего века — и оступился, вновь возвращать к покаянию...» (Евр. 6:4–6; опять наиболее сильные слова Павла Микулаш не озвучил — «... снова распинающих сами собой Сына Божьего и на поругание выставляющих»)²⁷.

Тем самым в восприятии греха как такового в гуситской и антигуситской полемике усматривается исходная разница акцентов — либо на губительном воздействии греха (позиция гуситов, считающих, что грешников быть не должно), либо же на неспособности греха противостоять Спасителю, Который искупил грехи и пожирает их, словно огонь. Возможно, здесь Шарли подразумевает «сожжение» грехов в момент таинства Причастия — при том что к гуситской ехаристии не допускались те, кто совершил смертный грех.

Тем не менее, два примера позволяют усомниться в однозначности складывающейся дихотомии. Первый — это законы первого короля венгров Иштвана Святого (997–1038), которые продолжали бытовать в Венгерском королевстве XV в. Создание Венского или Будайского кодекса в 1406 г. по приказу господина магистра Яноша из Буды, каноника Эстергомской церкви и архидьякона Борши однозначно свидетельствует о том, что об этих законах и через 400 лет продолжали помнить²⁸. В 1386 г. Сигизмунд Люксембургский в преддверии своей венгерской коронации дал торжественное обещание сохранить своих венгерских вассалов «во всех их свободах и добрых обычаях, на которые те полагаются и которыми пользуются со времени святых королей (т.е. Иштвана Святого и его внучатого племянника Ласло I. — *Н.Н.*)»²⁹. В свою очередь, Андраш II в 1222 г., Людовик Анжуйский в 1351 г., Матяш Корвин в 1471 г. купно подтверждали действенную силу законов Иштвана, именуя их именно термином «свобода» (лат. *libertas*)³⁰.

²⁶ «Voluntarie enim peccantibus nobis post acceptam noticiam veritatis iam non relinquitur hostia pro peccatis». — Ibid.

²⁷ «Impossibile est eos, qui semel sunt illuminati et gustaverunt eciam donum celeste et participes facti sunt spiritus sancti, gustaverunt nichilominus bonum dei verbum virtutesque seculi venturi et prolapsi sunt, renovari rursus ad poenitentiam». — Ibid.

²⁸ Об этом кодексе см.: *János M. A Szent István törvényeit tartalmazó kodexek // Magyar könyvszemle. 94. évf. 1978. 3–4. Sz. 228. l.*

²⁹ *Magyar diplomáciai emlékek az Anjou-korból / Szerk. Wenzel G.. 3. köt. Budapest, 1876. Sz. 621. l.*

³⁰ *Decreta Regni Mediaevalis Hungariae, 1000–1526: Laws of the Medieval Kingdom of Hungary / Ed. J. Bak, G. Bónis and J.R. Sweeney in coll. with L. Domonkos. Idyllwild, 1999. Vol. 1. P. 32, 40; Vol. 2. P. 8; Vol. 3. P. 26.*

С другой стороны, в 1514 г. юрист Иштван Вербёци немного сомневается в применимости правовых норм полутысячелетней давности: «Хотя в особенности обычаи и законы святых королей Иштвана и Ласло, которые заслуженно удостоились быть приписаны к числу святых, по причине своей глубокой древности почти полностью позабыты, ведь известно, что те обычаи и законы больше касались Божественного закона, чем человеческого; хотя имеются декреты последующих королей, измененные и дифференцированные в определенных клаузулах и статьях — тем не менее, считается, что из всех установлений Божественных королей некоторые законы в силу их длительного применения **вошли в наш обычай**, удостоверенный уже более ста лет назад»³¹. Выделенные слова находят свое подтверждение в следующем. Один из законов Иштвана (I, 28) под угрозой избиения,стрижения, утраты свободы (для свободного) и продажи (для слуги) запрещает блуд со служанками другого человека, аргументируя цель этой меры следующими словами: «Чтобы свободные хранили свою свободу незапятнанной»³². Другие статьи запрещали жениться на служанках под угрозой утраты свободы (I, 29) и похищать девицу «себе в жены» (лат. *sibi in ixorem*) без согласия ее родителей; в последнем случае преступник был обязан вернуть унесенную ее родителям, «даже если им ей было причинено насилие», а также примириться с ними через выплату штрафа (I, 27)³³. И, наконец, постановления Саболчского собора 1092 г. гласят, что блудницы и ведьмы подлежат суду епископа (т.е. занятие проституцией рассматривалось в качестве преступления)³⁴. Тем самым, блуд (т.е. любое совокупление при отсутствии брачного договора между семьями) в Венгрии XI в. был сделан социально недопустимым. И есть основание полагать, что к XV в. запрет на блуд вошел в плоть и кровь венгерского народа, ведь в качестве недовольства венгерской

³¹ «Et licet hujusmodi Consuetudines, ac Leges praesertim Sanctorum Stephani, et Ladislai Regum, qui catalogo Sanctorum adscribi digne meruerunt, vetustate nimia jam pene sint oblitae. Qui cum et alioquin magis de Divina, quam humana Lege tractasse dignosuntur, reliquorumque subsequentium Regum Decreta, in certis clausulis, et articulis mutata, variataque habeantur; tamen ex omnium fere ipsorum Divorum Regum constitutionibus, per longum usum aliquid legis in Consuetudinem nostram, plus quam per centum annos jam approbatam, derivatum, traductumque esse dignoscitur». — Decretum generale inclyti regni Hungariae partiumque eidem annexarum. T. 1. Budaе, 1844. P. 50.

³² «Ut liberi suam custodiant libertatem incontaminatam...». — Szent István törvényeinek XII. századi kézírata az Admonti kódexben [hasonmás kiadás] / Szerk. Bartoniek E. és Gyöffy Gy. Budapest, 1988. 62. l.

³³ «eciamsi ab illo aliqua vis sibi illata sit». — Ibid.

³⁴ «Meretrices et strige, secundum quod episcopo juste visum fuerit, ita didiudicentur». — *Závodszy L.* A Szent István, Szent László és Kálmán korabeli törvények és zsinati határozatok forrásai. Budapest, 1904. 163. l.

знати Сигизмундом и ее мятежа против него в 1401 г. автор «Хроники венгров» Янош Туроци (ок. 1435–1490) называет в том числе следующее: «этот король, освободившись от своей супруги (королева Мария Анжуйская умерла в 1395 г. — *Н.Н.*), пустился в распутство похоти, предавался насильственному растлению девственниц и **был омерзителен для венгров**»³⁵. Эней Сильвий Пикколомини тоже приписывает Сигизмунду любвеобильный нрав, говоря, что тот был «виновен в тысяче измен»³⁶. Слуга монарха Эберхард Виндеке рассказал о том, что во время танцев, которые в Инсбруке устроил герцог Фридрих Австрийский, была похищена и изнасилована девица, дочь бюргера, причем подозрение пало на Сигизмунда, хотя Виндеке заявляет, что тот этого не делал³⁷. Какими бы ни были действия короля на самом деле, ясно следующее: Яношу Туроци как венгру XV в. (а, вероятно, не одному ему) блуд в любом виде был омерзителен — так же, как и Микулашу из Пелгржимова, который признаёт только законный брак.

Таким образом, чешские гуситы и их венгерские противники (традиционные католики) в XV в. могли иметь больше общего, чем представляется на первый взгляд. С другой стороны, не все гуситы (если понимать под этим термином чешских утраквистов, заклеянных Констанцским собором именно в таком качестве) разделяли импульс «принуждения к праведности», выраженный в Четвертой Пражской статье. Так, Петр Хельчицкий, идеи которого были почерпнуты будущими чешскими братьями, заявил: «Но ты скажешь, наверное: “Было бы хорошо, если бы все были <справедливыми>; но поскольку они такими не являются, нужна власть, чтобы злых посредством власти принудить к справедливости”. Конечно, есть потребность в этом (т.е. во власти. — *Н.Н.*), что подобает справедливости князей. Но так скажу: какое дело до светской власти священнику, которого Христос послал проповедовать с Евангелием в руках, чтобы привести людей под его руководство — и какие примут Евангелие, тех принять как вассалов Христа, а кто Евангелия не примет, теми не руководить в вере Христовой посредством светской власти? Потому что кто не будет верно наставлен в вере Христовой через учение Евангелия, посредством власти не будет наставлен, подобно тому

³⁵ *Iohannis de Thwrocław. Chronica Hungarorum // Scriptores rerum hungaricarum veteres ac genuini / Cura et studio Ioannis Georgii Schwandtneri. Vindobonae, 1746. P. 224.*

³⁶ «mille adulteriiis criminosus». — *Aeneas Sylvius. Vita Sigismundi imperatoris // Palacký F. Literarische Reise nach Italien im Jahre 1837 zur Aufsuchung von Quellen der böhmischen und mährischen Geschichte. Prag, 1938. S. 113.*

³⁷ *Eberhard Windecke. Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigismunds / Hrsg. W. Altmann. Berlin, 1893. S. 49–50.*

как через немецкую речь человек не будет научен чешскому языку. Слаба та проповедь священника Христова, который — не умея привести кого-либо к правде Христовой через Евангелие и взывая к власти — оглашает в храме их прелюбодеяния, пьянство и прочие грехи; и принуждает власть, чтобы наказала за это; и считает, делая это, что преуспевает в проповеди, но даже и во власти едва с язычниками сравнивается. Потому что языческие князья и безо всякой священнической проповеди гораздо мужественней прелюбодеяния, убийства, воровство и все нарушения спокойствия пресекают для того, чтобы мир иметь и чтобы не дать злым людям повредить народу, чем многие священники посредством власти. Им кажется, что их власть — какая-то христианская, вере весьма полезная, но в справедливости она ещё до язычников не доросла. Потому что они не преминут сами пресечь злые вещи, но тот, который кажется слугой веры Христовой, вряд ли кого-то в колоду засадит, если священник его не ткнёт. Но если среди язычников обнаружена более совершенная справедливость в таких делах, тогда это всё далеко от Христа. И если священник не чувствует пользы от проповеди Евангелия во многих людях или в отдельных, то это — слишком мало будет, если он просто посредством власти пьяницу засадит в колоду своей проповедью»³⁸.

В своем показательном одобрении справедливости язычников, Хельчицкий явно следует в том же русле, в каком Жиль Шарли цитирует и комментирует апостола Павла: «Поскольку язычники, которые не имеют закона, по природе делают то, что соответствует закону: такие люди, не имеющие закона, сами себе закон (Рим. 2:14). Комментарий гласит: хотя они не имеют закона Писания, но имеют

³⁸ «Ale snad dít: “Dobře by bylo, by pak všickni byli; ale když tací nejsú, potřebí jest moci, aby zlé připudili skrze moc k spravedlnosti”. Ovšem jest potřebí v té straně, což slušie spravedlnosti knížat. Ale to dím: co j’ tomu knězi do moci světské, kteréhož jest Kristus poslal se Čtením kázati, aby pod jeho správu uvedl lidi, a kteříž povolé čtení, ty přijéti jako věrné Kristovy, a ktož nepovolí Čtení, toho nezpravovati skrze moc světskú u víře Kristově? Neb ktož skrze naučení Čtenie právé ustaven nebude u víře Kristově, skrze moc ovšem nebude ustaven jako skrze německú řeč nebude českému jazyku naučen člověk. Mdlét jest to kázání kněze Kristova, kterýž nemoha skrze Čtení uvésti některých v spravedlnost Kristovu, i volá na moc, v kostele ohlašuje jich cizoložství, opilství a jiné hříchy a nutí moc, aby toho pomstila, a mní, to čině, že v kázání prospívá, nalit jediné i s moci s pohany jedva se srovnává. Neb knížata pohanská bezě všeho kázání kněžského mnohem statečnější cizoložstva, vraždy, krádeže a všecky nepokoje stavují proto, aby pokoj měli a lidu aby sobě nedali uškoditi zlym lidem, než mnozi knězi skrze moc, ješto se jim zdá, že jich moc jest někaká křesťanská moc víře velmi prospěšná, ana ješto s pohany nedošla spravedlnosti. Neb oni v takových věcech sami od sebe z úřadu kázání neoblení se zlych věcí stavovati, ale tento, ješto se zdá sluha viery Kristovy, ač jeho kněz nebode, tuož jedva někoho v kládu vsadie. Ale když mezi pohany dokonalejší spravedlnost jest nalezena v takových skutcích, tehdy jest to všecko daleko od Krista. A nečije-li kněz úžitka skrze kázání Čtení ve mnohých nebo v některých, toto jest velmi malé, skrze moc když opilý připraví do klády svým kázáním». — *Petr Chelčický*. O boji duchovním a o trojím lidu / Vyd. K. Krofta. Praha, 1911. S. 152–153.

закон природный, при помощи которого каждый понимает и признаёт, что хорошо, а что плохо»³⁹. Таким образом, гуситское понимание социальной недопустимости греха, базирующееся на бескомпромиссном фундаментализме, подвергалось критике как с внешней стороны, так и изнутри гуситского сообщества.

Равенство людей перед карой за грех. Идея Джона Виклифа («Никто не является ни светским господином, ни прелатом, ни епископом, пока пребывает в смертном грехе») была публично одобрена Яном Гусом в январе 1415 г., с оговоркой, что достойным такой человек является лишь в соответствии с должностью⁴⁰. Затем же, на втором слушании 8 июля Гус со всей смелостью заявил перед Констанцским собором: «Более того, если кто-либо пребывает в смертном грехе, то не является достойным пред Богом и в качестве короля — в соответствии с тем, что написано в 4-й Книге Царств, 16. Там Господь сказал через пророка Самуила Саулу, который был должен убить Амалика, а не сделал: За то, что ты отклонился от речи Моей и не убиваешь Амалика, то и Я отклонюсь от тебя, так что ты не будешь царем»⁴¹. Эта идея была гуситами подхвачена.

Мотив права на сопротивление законному, но недостойному правителю был выражен в манифесте пана Ченка из Вартенберка, который в качестве бургомистра Пражского предводительствовал всей чешской знатю. Обратившись ко всей сословной общине Чешского королевства, он вместе с паном Олдржихом из Рожмберка призвал: «призываем вас всех и каждого в отдельности той верностью, какую вы обязаны иметь по отношению к короне и королевству Чешскому, чтобы вы всеиасительному князю и государю, госп. Сигизмунду, королю Римскому, во всякое время преумножителю Империи и королю Венгерскому, и проч., не были подчинены и к нему не принадлежали, и не слушались ни его как Чешского короля, ни его

³⁹ «Cum autem gentes, quae legem non habent, naturaliter ea, quae legis sint, faciunt, ejusmodi legem non habentes, ipsi sibi sunt lex. Dicit glossa: Etsi non habent legem scriptam, habent tamen legem naturalem, qua quisquis intelligit et sibi conscius est, quid bonum, quid malum». — *Sacrorum conciliorum...* T. 29. P. 873.

⁴⁰ Тогда Гус дал ответ на 45 статей Виклифа: «Этот тезис имеет верный смысл в соответствии с изречением св. Августина, Иеронима, Амвросия, Григория, Златоуста, Ремигия и Грациана, а именно: что ни один такой человек не является достойным, пусть он и является таковым в соответствии с должностью». Оригинал: «Iuxta sanctorum sententiam Augustini Jeronimi, Ambrosii, Gregorii, Crisostomi, Remigii et Graciani ista propositio habet sensum verum, vid. quod nullus talis est digne, quamvis secundum officium sit talis». — *Sedlák J. M. Jan Hus. Přílohy. Praha, 1915. S. 306–307.*

⁴¹ «Ymo qui est in peccato mortali, nec est digne rex coram deo, sicut patet 4 Regum 16, ubi dixit Dominus per prophetam Samuelem ad Saul, qui debebat interficere Amalech, et non fecit: Pro eo, quod abjecisti sermonem meum, ut non interficias Amalech, abjiciam et ego te, ne sis rex». — *Petrus de Mladonowicz. Relatio de Magistro Johanne Hus // Novotný V. Fontes rerum bohemicarum. D. 8. Praha, 1893. P. 95.*

должностных лиц, ибо вы хорошо знаете, что Его Милость еще не провозглашён чешскими панамы в качестве короля и не коронован на чешское правление, но **является большим и жестоким врагом Чешского королевства и народа**, как вы можете понять это из следующих статей»⁴². Видно, что именно грех Сигизмунда — его жестокость к чехам, проявленная в возведении на гуситов незаконного обвинения в ереси, в сожжении Яна Красы во Вратиславе — «ни за что иное, как за принятие Божественной Крови (т.е. утраквизм. — Н.Н.)», в заключении союза с герцогом Иоганном Баварским, грабившим Чешскую землю, и в ином — оказывается основанием для того, чтобы сопротивляться Сигизмунду — законному наследнику престола и новому королю, ведь в подобном качестве чешская знать уже признала его в своих грамотах 1415 и 1419 г.⁴³

При этом Ченек не порывал с монархом-грешником, но напротив — фактически давал понять, что власть Люксембургов в королевстве зависит от расположения панства: «Его Милость **еще** не провозглашен чешскими панамы в качестве короля». Переход конфликта в военную фазу сопровождался миграциями издателей манифеста в стан короля и обратно, часто — по причине военных неудач и под давлением более мощных полюсов сопротивления Сигизмунду, какими были Прага и Табор. Пражский хронист Лаврентий из Бржезовой обратил к Сигизмунду следующие слова: «О, бесчувственный государь! Почему домашних своих, кого должен защищать, ты по языческому обычаю преследуешь? Почему собственное гнездо, испражняясь, сквернить не перестаешь? Почему не останавливаешься в пролитии крови невинных? Почему ты стремишься уничтожить тех, кто противится тебе, сражаясь за закон Божий? Ожидай и предвидь, что в скорейшем времени Господь уготовит помощь боящимся Его. Тебя, который на множество народов / язычников надеется, Он обратит в бегство, победив малым числом. И псы ярые будут в скором времени лизать кровь твоих жестоких воителей в отмщение за Чашу истиннейшую Крови Христовой, которую ты стремишься уничтожить, преследуя своих верных вассалов. Вернись же к сердцу

⁴² «napomínáme vás všech y každého zvláště tú wieru, kteréž gste korunie a králewství Českému powinni, abyšte nayiasnejšiemu kniežieti a pánu, pánu Zigmundowi, rzímskému králi, vždy rozmnožiteli a uherskému etc. králi poddani nebyli a w nieho neslušeli ani geho poslúhali iakožto krále czeského ani geho úředníkóv, nebo to dobře wiete, žeť geho milost nenie geště pány českými za krále wolen ani k Czeskému králewství korunowan, ale králowství a zaziku Českého gest weliký a ukrutný nepřiel, iakož tomu můžete rozumieti skrzie tyto kusy». — *Hruza K.* Die hussitischen Manifeste vom April 1420 // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters.* Bd. 53. 1997. S. 169.

⁴³ *Novotný V.* Hus v Kostnici a česká šlechta. Poznámky a dokumenty. Praha, 1915. S. 61–62; *Archiv český...* D. 3. S. 206.

и признай, что **тяжело тебе идти против рожна** (цитата из Деян. 9:5. — *Н.Н.*). Покаявшись, прекрати вершить столько столь страшного зла. И если бы когда-нибудь Бог помиловал тебя и отпустил тебе твои несправедливости!»⁴⁴. Выделенной цитатой Лаврентий сравнил монарха с Савлом, который был ревностным иудеем и преследовал первых христиан, но голосом Спасителя был обращен в христианство.

На переговорах с Сигизмундом в Пожони в 1429 г. таборитов представлял англичанин-виклифит Питер Пэйн, чья речь формулирует аналогичный принцип справедливости противостояния монарху в случае, если он идет против Божественного закона: «Отвергни суету и выбери истину, поскольку так будешь иметь Бога своим другом и в мире будешь владеть этим благородным королевством через Него, как твой сиятельнейший отец (т.е. император Карл. — *Н.Н.*)... Ты не удивляешься тому, сколько раз твои войска, даже в десять раз превосходящие числом и вооружением, побитые, приведенные в замешательство, поворачивались спиной, столько раз жестоко обращенные в бегство малым числом налетчиков-крестьян, будучи побеждены и простерты к твоему не малому ущербу и позору? Это мы приписываем не нам, но Богу — Творцу и Триумфатору, Чьей истине мы служим, вы же с ней воюете и недостойным образом ей сопротивляетесь. Сам Тот, Кто держит небо и землю, — свидетель, что не ради себя мы воюем, и не из спеси и не для прибыли, **и не из иной какой-либо дерзости** сопротивляемся тебе. Измени свое отношение и у тебя будет преславное королевство; измени свою волю, освободи истину — и у тебя будет пражская община и богемская»⁴⁵.

⁴⁴ «O princeps insensate! Cur domesticos tuos, quos defensare deberes, gentili more persequeris, cur nidum proprium stercorisando defedare non cessas? Cur innocencium sanguinem fundere non desinis? Cur delere cupis, qui pro lege dei sui certando se tibi opponunt? Expecta parumper et prospice, dominus namque eum timentibus parabit auxilium et te, qui speras in multitudine gencium, paucorum numero prosternendo in fugam convertet, et pro sanguinis Christi calice veracissimo, quem in suis fidelibus persequens conaris destruere, tuorum crudelium belluarum in brevi temporis spacio canes rabidi sanguinem lingent!». — *Vavřinec z Březové. Kronika husitská // Prameny dějin českých = Fontes rerum bohemicarum / Vyd. J. Goll. D. 5. Praha, 1893. S. 531–532.*

⁴⁵ «Vanitatem respuas et veritatem eligas, quia sic deum habebis amicum et regnum hoc nobile quiete possidebis per ipsumque ut inclitissimus pater tuus... Non miraris, quociens tui exercitus licet decuplo auctiores armacioresque numero, cesi, confusi, terga verterunt, a paucis percussore rustico quociensque misere fugati in dompnaque (sic!) tua non pauca et verecundiam victi et prostrati? Non hoc nobis, sed deo auctori triumphatorique ascribimus, cuius veritati vobis eam oppugnantibus resistendo indigne deservimus ipso teste, qui celum terramque tenet, quod non pro nobis bella agimus nec pro fastu aut lucris nostris **aut alia quavis temeritate** tibi resistimus. Muta animum et habebis clarissimum regnum, muta voluntatem, libera veritatem et habebis Pragensem et Bohemicam communitatem». — *Bartoš F.M. Z bratislavské schůzky krále Zikmunda s husitskými vůdci r. 1429 // Časopis Matice moravské. R. 49. 1925. S. 184–188.*

На Базельском соборе право подданных на сопротивление монарху-грешнику пытался обосновать епископ таборитов Микулаш из Пелгржимова. С одной стороны, он призвал все прегрешающие власти последовать примеру Христа, Который сказал: «Кто из вас обличит Меня во грехе?» (Ин. 8:46). «Кто не склонился бы в смирении для обличения по образцу Его, поскольку ни один человек, сколь велик бы он в мире ни был, не является более невинным, лучшим и высшим, чем Христос?», — вопрошает Микулаш, что предполагает скорее словесное, чем деятельное сопротивление⁴⁶. С другой стороны, епископ таборитов частью процитировал, частью пересказал покаянное послание папы Льва IV императору Людовику, в котором был задействован сюжет о Вааламовой ослице: «папа Лев доказывает, что этот декрет необходим по той причине, что пророк Ваалам не только **был атакован** (лат. *impugnabatur*) ослицей, но и потом даже живым голосом был обличен»⁴⁷. Определенно, предполагалось как словесное нападение (обличение), так и телесное — ведь известно, что Вааламова ослица прижалась к стене и отдала ногу своего неразумного хозяина⁴⁸. И важно, что тот же самый глагол «атаковать» Микулаш применяет в своем итоговом выводе: «Потому и теперь на таком же основании можно народу Христа **с обвинениями** оплакивать публичные преступления вышестоящих. Ведь вышестоящие часто живут противозаконно, а следственно — свободно могут **в качестве извращенных быть атакованы** (лат. *impugnari* от *pugna* — «сражение») **праведными подданными**, поскольку иначе праведные станут причастными по причине своего согласия»⁴⁹. В тогдашнем контексте череды военных поражений, понесенных войсками Сигизмунда от гуситов, выбор глагола не представляется случайным.

Рассмотрение антигуситской позиции по вопросу права на неповиновение прегрешающему монарху нужно начать с той фразы, которой Сигизмунд Люксембургский 8 июля 1415 г. ответил на тезис Яна Гуса, процитированный выше: «Ян Гус, никто не живет без греха»⁵⁰. Кардинал Пьер д'Эльи упрекнул Гуса: не хватает тебе того, что свои-

⁴⁶ «quis tam arrogans vellet esse, qui exemplo ipsius se humiliter non submitteret arguendus, cum nullus homo, quantumcunque in mundo magnus, sit Christo innocencior, melior aut maior?». — Orationes. P. 14.

⁴⁷ «Et probat decretum hoc esse debitum eo, quod Baalam propheta nedum ab asina **impugnabatur**, sed et post eciam viva voce arguitur». — Ibid. P. 15.

⁴⁸ «Quem videns asina, junxit se parieti, et attrivit sedentis pedem» (Числа 22: 25).

⁴⁹ «Ergo nunc ex causa similiter licet Christo populo crimina superiorum publica **planctorie** deplorare. Item superiores sepius vivunt illicite, ergo licite possunt **tamquam perversi a iustis subditis impugnari**, quia alias iusti forent participes ex consensu». — Orationes. P. 14.

⁵⁰ «Johannes Huss, nemo sine crimine vivit». — *Petrus de Mladoniewicz*. Op. cit. P. 95.

ми писаниями собираешься, усомнившись, низвергнуть церковные ранги, но ты уже хочешь низвергнуть и сословие королей и самих королей из своего сословия»⁵¹. Тем самым, получается, что нерушимость сословной иерархии представлялась антигуситам более значимой, чем стремление к созданию безгрешного общества, которое завладело гуситами. В свою очередь, Жиль Шарли следующим образом ответил Микулашу из Пелгржимова: «Не все явственные смертные грехи должны наказываться человеком в соответствии со словами Божественного Закона — через суд, который накладывает наказание. Ведь среди них есть такие, которые человеком не могут караться без угрозы для добрых. И поскольку есть во множестве добрые и злые, и не могут быть отделены одни от других, такие грехи должны человеком попускаться — в случае, если за подобным попуском не последует большой скандал, чем в результате запрещения. Такие грехи не могут быть наказаны без угрозы церковной схизмы или тяжелых потрясений — как например, грех государя или иного человека, который имеет множество союзников»⁵².

Эта позиция перекликается с Законами Иштвана, которые имели хождение в Венгерском королевстве. В этом памятнике не прописывается четкое наказание за преступления против христианской веры: нежелающий ее соблюдать (т.е. человек, который живет во грехе по определению) сначала семь раз принимает поучения от епископа, после чего передается «королевскому правосудию, т.е. защитнику христианства» (лат. *regali iudicio scilicet defensori christianitatis*). Таким образом, итоговый вердикт оставался на усмотрение короля, который мог наказывать знатных менее строго, чем простых⁵³. Об Иштване Святом мы знаем, что князь Трансильвании Дьюла (крещенный византийцами, но сохранявший языческий образ жизни) был пленен им и отпущен восвояси⁵⁴. Аналогичная ситуация менее строгого наказания для могущественного человека предусмотрена

⁵¹ «Non sufficiebat tibi, quia statum spiritualem vilipendens conabaris dejicere per tua scripta et dogmata, et jam vis eiam dejicere statum regium et reges a statu suo». — Ibid. P. 96.

⁵² «puta, non omnia peccata mortalia publica sunt ab homine, ex dictamine divinae legis, poenaliter per iudicium punienda. Quaedam quidem illorum sunt, quae sine periculo bonorum puniri non possunt ab homine, ut cum in multitudine sunt boni et mali, et non possunt discerni isti ab illis, et talia sunt permittenda ab homine: si tamen ex illa permissione non sequatur majus scandalum quam ex punitione. Quaedam sine periculo schismatis ecclesiae aut gravis turbationibus puniri non possunt, ut peccatum principis aut alterius, qui sociam habet multitudinem». — Sacrorum conciliorum... T. 29. P. 887.

⁵³ Szent István törvényeinek XII. századi kézírata... P. 56.

⁵⁴ Титмар Мерзебургский именуется «Прокуй»: Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung / Hrsg. v. R. Holtzmann. Berlin, 1935. P. 496–497.

за клятвопреступление: наказание (усекновение руки) применяется к «могущественным людям» лишь после троекратного (!) клятвопреступления, в то время как обычные люди не имели такого послабления. При этом необходимо отметить, что эта норма менялась со временем: условие наказания для знатного — «при троекратном преступлении клятвы» (лат. *ter juramento confRACTO*) — прописано в древнейшей рукописи законов (Адмонтском кодексе XII в.), но в Венском кодексе 1406 г. слово *ter*, по-видимому, отсутствовало⁵⁵.

Необходимо отметить, что право подданных судить, ограничивать и даже низлагать своего монарха-грешника, — это никоим образом не гуситское изобретение. В Золотой булле 1222 г. король Венгрии Андраш II прописал, что в случае ее несоблюдения им самим и его преемниками прелаты и знатные люди королевства получают право «возражения и сопротивления», т.е. принуждения венгерских монархов к соблюдению этого закона⁵⁶. Золотая булла была подтверждена Сигизмундом в Темешваре в сентябре 1397 г., после чего закреплена грамотой, изданной 13 января 1398 г.⁵⁷ В преддверии коронации 1387 г. венгерские прелаты и бароны сформулировали выборные капитуляции — условия, на которых их будущему королю Сигизмунду предстояло править. Как полное, так и частичное отступление монарха от этого документа давало сословиям право принуждать монарха к соблюдению капитуляций всеми возможными путями и «без всяческого клейма неверности» (лат. *absque omni nota infidelitatis*)⁵⁸. Кроме того, исследования С.К. Цатуровой показывают,

⁵⁵ Фиксимильная копия Адмонтской рукописи доступна здесь: Szent István törvényeinek XII. századi kézírata... Необходимо обратить внимание на то, что слово *ter* было пропущено в обеих расшифровках Адмонтской рукописи, предпринятых Л. Заводски и Э. Бартоник: Ibid. 57. l.; *Závodszy L.* Op. cit. 146. l. Слово записано с обратной буквой *r*, похожей на арабскую цифру 2. Как подчеркивает А. Капелли, она употреблялась как в сокращениях слога *-rum*, так и самостоятельно: *Capelli A.* Dizionario di Abbreviature Latini ed Italiani. Milano: Hoepli, 1912. P. XXVII–XXVIII. В публикации Венского кодекса, предпринятой И. Баттяни, слово *ter* отсутствует: *Leges ecclesiasticae regni Hungariae / Opera et studio Ignatii domini de Bathyán. T. 2. Claudiopoli, 1827. P. 61.*

⁵⁶ *De Bulla Aurea Andreae II Regis Hungariae MCCXXII / Szerk. Besenyei L., Érszegi G., Gorlero M.P. Verona, 1999. P. 29.* Необходимо отметить, что подобного рода сходства в становлении сословно-политического строя Венгерского и Чешского королевств были отмечены Р. Новотным: он указал на то, что в обоих королевствах имело место представление «об одной и той же знатности» (лат. *una et eadem nobilitas*). — *Novotný R.* Sociální, institucionální a konfesionální aspekty vývoje české šlechty v pozdním středověku. Praha, 2008. S. 57.

⁵⁷ *Knauz N.* Az MCCXCXVII-ki országgyűlés végezménye. Pest, 1856. 11. l.; 25–50. l.

⁵⁸ *Magyar diplomáciai emlékek az Anjou-korból / Szerk. Wenzel Gustáv. 3. köt. Budapest, 1876. 622. l.* Эта цитата была явно позаимствована из Золотой буллы 1222 г., гарантировавшей епископам, йобационам и знатным людям Венгерского королевства право на сопротивление правителю-преступнику «без пятна какой-либо неверности» (лат. *sine nota alicuius infidelitatis*). — *De Bulla Aurea... P. 29.*

что во Французском королевстве «тема состоятельности монарха, соответствия короля своим обязанностям становится со временем всё более значимой и даже угрожающей, поскольку она подспудно подразумевает возможное отстранение от трона того, кто недостойн этого места»⁵⁹. Подобные же сомнения были выражены пражскими гуситами и оребитами в манифесте, составленном после их победы над чешскими лоялистами в битве при Вышеграде 5 ноября 1420 г.: «Жалуемся вам на Сигизмунда Венгерского — короля, если только достойно так называть его...»⁶⁰. Очевидно, что такими словами гуситы уже ставили под вопрос законность чешской коронации Сигизмунда от 28 июля 1420 г.

Подведем итоги. В рамках гуситской идеологии грех воспринимался в качестве социального преступления, что обусловлено гибельным воздействием греха, которое подчеркивают гуситы. Ян Гус, составители Четырех Пражских статей и их таборитских толкований, Микулаш из Пелгржимова едины в том, что грешников быть не должно. Оппонент Микулаша, традиционный католик Жиль Шарли отстаивал противоположную позицию, делая акцент на неспособности грехов противостоять Богу как Огню, который их испепеляет. Поэтому в католическом восприятии Жиля Шарли человеческий грех (если понимать под ним такое поведение, которое противоречит библейским нормам) подлежит наказанию лишь в том случае, если его поущение влечет большие потрясения, чем его пресечение. Слова главного противника гуситов, Сигизмунда Люксембургского («Ян Гус, никто не живет без греха»), сформулированы в том же русле. При этом был и такой католик, который по факту согласился с Четвертой Пражской статьей (Фердинанд, епископ Лукки). Кроме того, имеются аргументы в пользу того, что в обществе Венгерского королевства XV в. сохранялись те нормы поведения, которые были прописаны в законах Иштвана Святого, где в качестве социального преступления с тяжелыми последствиями рассматривается даже такой грех, который в понимании Жиля Шарли не вредил обществу («простой блуд»). С другой стороны, и среди гуситов гуситский императив всеобщего принуждения к праведности встречал неприятие, в частности — у Петра Хельчицкого.

⁵⁹ Цатурова С. К. «Король — чиновник, священная особа или осел на троне?»: представления об обязанностях короля во Франции XIV–XV вв. // Искусство власти. Сборник в честь Н.А. Хачатурян / Под ред. О.В. Дмитриевой. СПб., 2007. С. 108.

⁶⁰ «Žalujemť vám na Sigmunda, Uherského, ač hodné jest říci, krále...» / «Wir clagen üch über Sigmünden von Unger(e)n, ob er sein wert ist zu nenne(n) ein konig...». — Archiv český... D. 3. S. 217; Нюрнберг. Государственный архив. Staatsarchiv Nürnberg. Ansbacher Kriegsakten. Karton I. N 6.

Второй чертой греха в его гуситском понимании является равенство людей перед ним. Какой бы властью человек ни был облечен, ему не разрешено грешить — в противном случае он обличается и атакуется. Именно эта позиция лежит в гуситском неприятии Сигизмунда Люксембургского как монарха-грешника. В то же время, традиционный католик Жиль Шарли формулирует и обосновывает императив терпимости ко греху, совершенному монархом, во избежание тяжелых социальных потрясений. Думается, что в католическом лагере подобная позиция не была доминирующей, принимая во внимание те сословные движения, которые повсюду стремились к ограничению королевской власти и даже к праву на вооруженное сопротивление ее произволу, как это имело место в Венгерском королевстве XV в., чьи вассалы в 1420-х гг. храбро сражались против гуситов, но по факту могли быть во многом похожи на них.

References

Bartoš F.M. *Z bratislavské schůzky krále Zikmunda s husitskými vůdci r. 1429* [From the Bratislava Meeting of King Sigismund with the Hussite Leaders in 1429] // *Časopis Matice moravské*. R. 49. 1925. S. 171–195.

Heymann F. *John Žižka and the Hussite Revolution*. New York: Russell & Russell, 1969. 521 p.

Jánosi M. *A Szent István törvényeit tartalmazó kodexek* [Codices Containing the Laws of Saint Stephen] // *Magyar könyvszemle*. 94. évf. 1978. 3–4. sz. 225–254. l.

Kalivoda R. *Husitská ideologie* [Hussite Ideology]. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1961. 560 s.

Kalivoda R. *Husitské myšlení* [Hussite Thought]. Praha: Filosofia, 1997. 367 s.

Knauz N. *Az MCCCXCVII-ki országgyűlés végezménye* [The Proceedings of the Diet of 1397]. Pest: Landerer és Heckenást, 1856. 54. l.

Novotný R. *Sociální, institucionální a konfesionální aspekty vývoje české šlechty v pozdním středověku. Disertační práce* [Social, Institutional, and Confessional Aspects of the Development of the Czech Nobility in the Late Middle Ages. Dissertation]. Praha: [s. n.], 2008. 206 s.

Novotný V. *Hus v Kostnici a česká šlechta. Poznámky a dokumenty* [Hus in Constance and the Czech Nobility. Notes and Documents]. Praha: Společnost přátel starožitností českých v Praze, 1915. 100 s.

Palacký Fr. *Die Geschichte des Hussitentums und Prof. Constantin Höfler*. Kritische Studien. Prag: Friedrich Tempsky, 1868. 168 S.

Pekář J. *Žižka a jeho doba* [Žižka and His Times]. D. 3. Praha: Vesmír, 1930. 343 s.

Sedlák J.M. *Jan Hus. Přílohy* [Jan Hus. Appendices]. Praha: Děditsví svatého Prokopa, 1915. 370 s.

Seibt F. *Hussitenzeit als Kulturepoche* // *Historische Zeitschrift*. Jg. 195. 1962. S. 21–62.

Šmahel F. *Husitská revoluce* [The Hussite Revolution]. D. 2. Praha: Univerzita Karlova, 1993. 364 s.

Szent István törvényeinek XII. századi kézírata az Admonti kódexben [hasonmás kiadás] [The Twelfth-Century Manuscript of the Laws of Saint Stephen in the Admont Codex [Facsimile Edition]] / Szerk. Bartoniek E. és Gyöffry Gy. Budapest: Helikon kiadó, 1988. 92 l.

Toman H. *Žižkův duch, povaha a listy* [The Spirit, Character, and Letters of Žižka] / Upravil F.M. Bartoš. Praha: Státní nakladatelství, 1924. 87 s.

Tsaturova S.K. "Korol' — chinovnik, svyashchennaya osoba ili osel na trone?": predstavleniya ob obyazannostyakh korolya vo Frantsii XIV–XV vv. ["Is the King an Official, a Sacred Person, or a Donkey on the Throne?": Representations of the Duties of the King in France in the Fourteenth and Fifteenth Centuries] // *Iskusstvo vlasti. Sbornik v chest' N.A. Khachaturyan* [The Art of Power. A Collection in Honor of N.A. Khachatryan] / Ed. by O.V. Dmitrieva. Saint Petersburg: Aletheia, 2007. P. 99–131.

Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges vom Jahre 1419 an / Hrsg. von F. Palacký. Bd. 1. Prag: Friedrich Tempsky, 1873. 655 S.

Závodszy L. *A Szent István, Szent László és Kálmán korabeli törvények és zsinati határozatok forrásai* [The Sources of the Laws and Synodal Decrees from the Times of Saint Stephen, Saint Ladislaus, and Coloman]. Budapest: Szent-István Társulat tudományos és irodalmi osztálya, 1904. 215 l.

Želivský J. *Dochovaná kázání z roku 1419* [Surviving Sermons from 1419] / Vyd. A. Molnár. Praha: Nakladatelství České akademie věd, 1953. 282 s.

Zilynská B. Recenze na: Opatrný D. Zachránit lidi od hříchů. Etika v teologii mistra Jana Husa [Review of: Opatrný D. Saving People from Sins. Ethics in the Theology of Master Jan Hus]. Jihlava: Mlýn, 2018 // *Acta universitatis Carolinae. Historia universitatis Carolinae Pragensis*. T. LIX. Fasc. 1. 2019. S. 193–194.

Поступила в редакцию
1 июня 2023 г.